

Воспоминания А.Я. Булгакова

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В77

В77 Воспоминания А.Я. Булгакова / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 40 с.

ISBN 978-5-458-08204-4

Воспоминания А.Я. Булгакова о 1812 годе и вечерних беседах у графа Федора Васильевича Ростопчина.

ISBN 978-5-458-08204-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

нѣсколько часовъ разрѣшить этотъ важный вопросъ). И подлинно, послѣ одной изъ частыхъ своихъ поѣздокъ въ Тверь ¹⁾, графъ Ростопчинъ былъ переименованъ въ генерала отъ инфантеріи и назначенъ главнокомандующимъ въ Москву.

Императоръ Александръ Павловичъ, какъ сказано уже выше, не очень благоволилъ къ графу Ростопчину. Государю не нравился рѣзкій его нравъ ²⁾ и смѣлость, съ которою онъ обсуживалъ многія его дѣйствія. Конфиденціальныя, партикулярныя свои донесенія на Высочайшее лицо графъ писалъ всегда прямо на бѣло, какъ будто были они ему кѣмъ-нибудь диктованы, и обыкновенно на французскомъ языкѣ. По приказанію графа, бралъ я съ нихъ копіи, которыя оставались у него, и онъ запиралъ ихъ подъ ключъ въ особенный ящикъ. Не одинъ разъ дрогнула у меня рука, списывая то, что Ростопчинъ говорилъ Государю: то возставалъ онъ на нѣкоторыя предпринимаемыя у насъ мѣры, то дѣлалъ онъ смѣлыя замѣчанія насчетъ людей, избираемыхъ на важныя мѣста по одному только фавёру, или проискавъ царедворцевъ, окружающихъ престолъ царскій, отчего важнѣйшія мѣста дѣлались недоступными для людей способныхъ, достойныхъ и отечеству своему преданныхъ. Графъ Ростопчинъ не одобрялъ, напримѣръ, пожалованіе извѣстному демократу и воспитателю Его Величества Лагарпу ордена св. Андрея Первозваннаго.

Графъ Ростопчинъ въ перепискѣ своей съ императоромъ Александромъ Павловичемъ продолжалъ постоянно гоненіе, объявленное покойною императрицею Екатериною II такъ называемымъ мартинистамъ. Онъ почиталъ ихъ опаснѣйшими врагами алтаря, престола царскаго и общаго спокойствія. Раздраженіе его противъ мартинистовъ было столь велико, что, не имѣя Высочайшаго на то приказанія, онъ не колебался ни мало отрѣшить самовластно тайнаго совѣтника Ключарева отъ занимаемаго имъ мѣста Московскаго почтдиректора и выслать его изъ Москвы. Ключаревъ былъ

¹⁾ Принцъ Ольденбургскій былъ главнымъ начальникомъ водяныхъ коммуникацій въ Россіи и городъ Тверь былъ постояннымъ его мѣстопробываніемъ.

²⁾ Императоръ Павелъ Петровичъ въ размовкѣ, которую имѣлъ онъ однажды съ гр. Ростопчинымъ, сказалъ ему: „надобно признаться, что ты прямъ, да упрямъ!“ Ростопчинъ избралъ себѣ тотчасъ царскія слова и вытѣзалъ ихъ на одной изъ печатей своихъ карманныхъ часовъ.

однимъ изъ самыхъ ревностѣйшихъ членовъ вышеупоминаемаго общества и, по мнѣнію графа, опаснѣйшимъ для правительства человѣкомъ, особенно при смутныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилось тогда отечество.

Опасенія графа Ростопчина насчетъ предпринятой противъ насъ Наполеономъ войны были столь велики, что онъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Государю позволилъ себѣ слѣдующія размышленія: „Si la providence divine et les ferventes prières de Vos fidèles sujets Vous maintiendront sur le trône de Russie, Vous aurez, sire, acquis la conviction, que je n’ai jamais hésité à dire la vérité à Votre Majesté Impériale, au risque — d’avoir le malheur de Vous déplaire“. (Ежели Провидѣніе Божіе, внемля теплымъ молитвамъ вѣрныхъ Вашихъ подданныхъ, сохранить Васъ на престолѣ всероссійскомъ, то вы убѣдитесь, Государь, въ томъ, что я не боялся никогда говорить правду Вашему Императорскому Величеству, даже подъ опасеніемъ лишиться милостей Вашихъ).

Желчь, накоплявшаяся въ сердцѣ графа Ростопчина въ продолженіе рокового 1812 года, находила пищу первоначально въ самомъ Наполеонѣ, а потомъ въ лукавыхъ съ нимъ сношеніяхъ князя Кутузова, въ неблагопріятномъ оборотѣ, который принимали дѣла и, наконецъ, послѣ изгнанія непріятеля изъ древней столицы, въ ругательствахъ, неблагодарности и несправедливыхъ жалобахъ Московскихъ жителей. Предводителемъ недовольныхъ былъ въ то время дѣйств. тайный совѣтникъ, начальникъ кремлевской экспедиціи, Петръ Степановичъ Валуевъ, котораго онъ только что въ глаза не ругалъ. Все эти обстоятельства способствовали къ особенному его раздраженію. Оно было замѣтно въ его рѣчахъ и письменныхъ отзывахъ. Одной дамѣ, которая начала ему говорить довольно двусмысленно о Московскомъ пожарѣ и о понесенномъ ею и многими другими раззореніи, онъ отвѣчалъ насмѣшливо: „Откуда берете вы, сударыня, эти вѣсти? Вѣрно отъ Валуева! Да скажите ему одинъ разъ навсегда, что вѣсти, сообщаемыя ему Наполеономъ, ложны. Я сжегъ Вороново, потому что это моя собственность: я не хотѣлъ, чтобы мое мирное, любимое жилище было осквернено присутствіемъ французовъ. Я сожалью о вашихъ потеряхъ, но не сожалѣлъ бы ни мало, узнавши, что домъ Валуева

сгорѣлъ, что въ Московскомъ пожарѣ самъ Валувѣ изжарился, или былъ повѣшенъ!“

Этотъ разговоръ можетъ дать понятіе о раздражительности, въ которой находился тогда графъ Ростопчинъ, но несправедливо было бы, основываясь на подобныхъ рѣчахъ, дѣлать неблагоприятныя заключенія насчетъ душевныхъ его качествъ. Это были однѣ только вспышки, и болѣе ничего. Въ важныхъ случаяхъ онъ думалъ, говорилъ и дѣйствовалъ иначе и умѣлъ сохранять должное хладнокровіе.

Я удалился нечувствительно отъ главнаго моего предмета, что всегда со мною случается, когда говорю о графѣ Ростопчинѣ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1812 г. во всѣхъ мелочныхъ лавочкахъ выставлены были портреты Наполеона. Товаръ этотъ сбывался весьма поспѣшно, потому что цѣна ему была одна копѣйка мѣдью. Дешевизна эта заставляла всякаго приходящаго покупать изображеніе проклинаемаго всѣми завоевателя. Въ то время носилась по городу молва, что портретики были сдѣланы по приказанію графа Ростопчина въ числѣ 10 т. экземпляровъ, что назначена столь ничтожная цѣна для того, чтобы умноживъ число покупателей, ознакамливать весь православный народъ съ чертами Наполеона; также рассказывали на Московскихъ площадяхъ, будто общается Ростопчинымъ 10 т. цѣлковыхъ тому, кто убьетъ этого врага рода человѣческаго.

Я, накупивъ тотчасъ нѣсколько экземпляровъ этихъ портретиковъ, принесъ одинъ графу, сообщивъ ему городскіе толки. „Чего не выдумаютъ на этого бѣднаго Ростопчина“,—сказалъ на это графъ, сложа руки и обращая комически глаза къ небу: „вѣдь право похоже, и цѣна сходная; впрочемъ, рожа эта не стоитъ болѣе копѣйки. Но отчего не сказано тутъ ничего въ чѣсть великаго этого мужа?“ прибавилъ графъ.

— „Значить, что надобно вамъ что-нибудь тутъ приписать“—отвѣчалъ я ему.

Графъ, взявши карандашъ, на подаренномъ ему мною экземпляръ, пририсовалъ Наполеону усы, которыхъ онъ никогда не носилъ, и сдѣлалъ слѣдующую надпись:

„Ну, право, дешево и мило — покупайте
„И харью этой свою подтирайте!“

Кстати упомяну я здѣсь о другомъ подобномъ этому обстоятельстве, доказывающемъ, что графъ не былъ разборчивъ, не церемонился въ выраженіяхъ и дѣйствіяхъ, когда доходило дѣло до тогдашняго французскаго императора. Короткимъ знакомымъ графа Федора Васильевича извѣстно, что возлѣ его кабинета, въ маленькой темной комнаткѣ, куда, по извѣстной французской поговоркѣ, „и самъ король ходитъ пѣшкомъ“, стоялъ прекрасный бронзовый бюстъ Наполеона. На императорской маковкѣ былъ безжалостно вдоблѣнъ гвоздь для прикрѣпленія дощечки, на которой, вмѣсто императорской короны, поставленъ былъ фарфоровый сосудъ, необходимый для всѣхъ приходящихъ за законною нуждою. Ежели не ошибаюсь, я уже упоминалъ въ запискахъ моихъ объ этой странной фантазіи графа Ростопчина. Бюстъ этотъ далъ одинъ разъ поводъ къ довольно смѣшной размовкѣ между мужемъ и женою. Графиня, узнавши о жалкой участи Наполеонова бюста, старалась освободить бѣднаго императора отъ неблагораствореннаго его заключенія, представляя неприличіе поносить лицо, признаваемое нами императоромъ и коронованное самимъ напою, но графъ, обыкновенно охотно выполнявшій желанія своей жены, которую очень любилъ, не уважилъ на этотъ разъ дѣлаемыхъ ею замѣчаній, и Наполеонъ остался въ избранной для него резиденціи. Графиня, какъ бы шутя, пыталась заговорить опять о бюстѣ; не важное требовалось пожертвованіе и все, вѣрно бы, уладилось, но, къ несчастью, замѣшались тутъ и императоръ Наполеонъ и глава католической церкви. Бонапартъ и папа все дѣло испортили. На шутовое напоминаніе жены своей графъ Ростопчинъ отвѣчалъ также шутя: „Je ne comprends pas, pourquoi cela vous chipotte tant, que j'aie transformé en piédestal le buste de Bonaparte; je lui ai alligné une destination digne de lui. D'ailleurs, je ne l'ai donc pas établi sur la place du Kreml; je puis faire dans l'intérieur de mes appartements ce que bien me semble. Si je fais mal, j'en suis seul puni, car, grâce au grand homme, quand j'entre dans mon petit cabinet de retraite, j'y trouve deux puanteur au lieu d'une“ (Я не понимаю, отчего это такъ тебя тревожитъ, что я преобразовалъ бюстъ

Наполеона въ пьедесталь. Я далъ ему самое лестное назначеніе. Да развѣ я поставилъ его на Кремлевской площади? Во внутреннихъ моихъ комнатахъ могу я дѣлать все, что мнѣ угодно, а ежели дѣлаю я дурно, то я одинъ за то и наказанъ, потому что когда вхожу въ мой чуланчикъ, то, по милости великаго Наполеона, вмѣсто одной вони нахожу двѣ).

Графиня невольно размѣялась, а графъ, по обыкновенію своему, предался громкому смѣху.

Всѣмъ извѣстно, что графиня Ростопчина оставила свое вѣроисповѣданіе и сдѣлалась усердною католичкою, стараясь неусыпно обращать въ ту же вѣру всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Графъ Федоръ Васильевичъ скончался ночью 18 января 1826 года. Я былъ тогда одинъ у его постели и закрылъ ему глаза. Я уже два дня сряду почевалъ у него, узнавши отъ доктора Рамиха, что кончина графа скоро должна послѣдовать. Графиня приходила по временамъ читать надъ головою умирающаго французскія молитвы. За два дня уже предъ этимъ были больнымъ выполнены христіанскія обязанности. Онъ въ свѣжей памяти и бодрый духомъ исповѣдался и причастился Св. Хр. Таинъ. Послѣ совершенія долга сего, занялся онъ раздачею дѣтямъ своимъ, роднымъ и приближеннымъ разныхъ вещей, ему принадлежащихъ. Мнѣ оставилъ онъ на память прекрасный Брегетовъ хронометръ, который всегда носилъ на себѣ. Онъ призывалъ къ себѣ дѣтей своихъ, благословлялъ ихъ и твердымъ голосомъ давалъ сыну своему Андрею разные совѣты и наставленія.

Въ то время, когда пришла къ нему въ послѣдній разъ предъ кончиною его графиня Екатерина Петровна, онъ былъ какъ будто въ усыпленіи и, вслушавшись въ читаемыя ею французскія молитвы, онъ открылъ глаза, перекрестился и произнесъ громко: „Отче нашъ, иже еси на небеси...“, когда дошелъ до словъ, „да будетъ воля твоя“, то, поднявъ глаза къ небесамъ, опять перекрестился... Силы, а можетъ быть и память, ему измѣнили, онъ не могъ продолжать, голова его опустилась на подушку и онъ впалъ опять въ прежнее безпамятство, изъ котораго ужъ и не выходилъ.

Отпаденіе графини Ростопчиной отъ отечественнаго вѣроисповѣданія было очень непріятно мужу ея, но онъ неудовольствія

своего не показывалъ, или очень рѣдко, скрывая оное въ глубинѣ сердца. Вотъ размышленія, которыя онъ дѣлалъ, разговаривая одинъ разъ со мною объ этомъ предметѣ. Я постараюсь передать здѣсь точныя его слова, потому что они объясняютъ религіозныя его мнѣнія:

„Il parait, que le catholicisme fait tourner les têtes de nos dames. Il fut un temps, où l'on briguait d'être martiniste. Que voulez-vous? les modes changent et personne n'aime autant que les femmes à suivre les modes et même à les outrer, et pour la prospérité de cette mode là il y a l'appui des Messieurs les abbés, qui savent se fourrer partout, et de madame Swetchine; qui fait comprendre à nos dames, que les abbés français sont beaucoup plus aimables et instruits que les prêtres russes... Je ne comprends pas, comment on ne pense pas à cela sérieusement: nous avons un grand nombre d'établissements d'éducation, et cependant nos grands seigneurs (c'est aussi une mode) s'empressent de confier l'éducation de leurs enfants à des abbés, qui se font payer très cher, s'emparent de l'esprit de leurs élèves, détruisent dans les garçons tout amour pour leur patrie qu'ils leur représentent comme croupissante dans les ténèbres et la barbarie; enfin, la jeune génération est insensiblement préparée au changement de religion, comme si nous autres, pauvres, soi-disant schismatiques, nous n'étions pas des chrétiens comme les catholiques? Croyez-en Dieu, adorez le, aimez votre prochain, marchez dans le sentier de la vertu: voilà je pense ce que doit être la base de toutes les religions. Ce que je déteste dans les catholiques, c'est leur fanatisme et leur intolérance; c'est ce qui a engendré les luthériens, les protestans, les calvinistes et les différents schismes dans la chrétienté. Je pense, que Dieu s'embarrasse fort peu de nos croyances religieuses et regarde de plus près à nos actions. Il y aura des turcs, des arabes, des sauvages dans le paradis et des catholiques dans l'enfer. Tachons de nous rencontrer, Vous et moi, dans le séjour des bienheureux, et cela sans recourir à la protection du Pape“.

(Какъ кажется, католичество вскрыжило головы нашихъ ба-
рынь. Было время, что всякій хотѣлъ быть мартинистомъ. Что же
дѣлать? Моды перемѣняются, а кто болѣе женщинъ любитъ слѣ-

довать модамъ, даже ихъ преувеличивать? А для распространенія моды этой служатъ подпорою господа аббаты, которые умѣютъ вездѣ втираться, а имъ подмога Свѣчина ¹⁾; она напѣваетъ нашимъ дамамъ, что французскіе аббаты гораздо любезнѣе и умнѣе русскихъ поповъ. Не понимаю, какъ не подумаютъ объ этомъ серьезно. У насъ много учебныхъ заведеній, а несмотря на это наши знатные вельможи (и это также мода!) вѣряютъ воспитаніе дѣтей своихъ аббатамъ и платятъ имъ большія деньги для того, чтобы, владея умомъ своихъ воспитанниковъ, они истребляли въ нихъ всякую любовь къ отечеству, представляя имъ Россію какъ бы удрученною мракомъ невѣжества; такимъ то образомъ молодое наше поколѣніе приготавливается нечувствительно къ перемѣнѣ своей вѣры. Какъ будто мы, православные греко-россіяне, не такіе же христіане, какъ католики? Вѣруй въ Бога, молись ему, люби ближняго, какъ себя, живи честно: вотъ, по моему, что должно служить основаніемъ всѣхъ религій. Я всегда ненавиждѣлъ гоненія и нетерпимость католиковъ. Отъ этого возродились лютеране, протестанты, кальвинисты и всѣ расколы, которые мы видимъ въ христіанствѣ. Мнѣ кажется, что Всевышній не озабочивается нашими вѣроисповѣданіями, а болѣе разбираетъ жизнь нашу и дѣянія. Будутъ и турки въ раю, и католики въ аду. Дай Богъ вамъ и мнѣ встрѣтиться въ царствѣ небесномъ и вникнуть туда безъ протекціи папы римскаго).

Я удалился нечувствительно отъ главнаго моего предмета, но малѣйшія подробности, касающіяся до человѣка, столь знаменитаго, каковъ былъ графъ Ростопчинъ, достойны быть сохраненными. Возвращаясь къ портрету Наполеона съ написанными подъ онымъ стишками. Кто могъ бы угадать, что они сочинены графомъ Ростопчинымъ, соблюдавшимъ всегда въ своемъ обхожденіи правила совершеннаго *джентльмена*. Онъ, бывало, вставалъ всегда съ мѣста, имъ занимаемаго, чтобы отдавать поклонъ всякому входящему въ

¹⁾ Всякому смертному, какого бы ни былъ онъ вѣроисповѣданія, открыты двери царства небеснаго, а потому не въ правѣ никто порицать религиозныя правила Софьи Петровны Свѣчиной (урожденной Сойменовой), которая, не довольствуясь слѣдовать своимъ убѣжденіямъ, усердно занималась обращеніемъ русскихъ дамъ въ католическую вѣру. Свѣчина была, впрочемъ, женщина благодѣтельная, умная и любезная. Она скончалась въ Парижѣ въ 1859 году и французскіе журналы наполнены похвальными о ней статьями.

комнату, даже когда лицо это было незначущаго чина, или вовсе ему незнакомо. Онъ не требовалъ никогда особенныхъ почестей и первенствомъ своимъ въ обществахъ обязанъ былъ не высокому мѣсту, имъ занимаемому, но высокому своему уму, неисчерпаемой любезности и острымъ шуткамъ, коими разговоръ его красился и безпрестанно оживлялся. Графъ Ростопчинъ могъ служить образцомъ учтиваго и ласковаго вельможи, но какъ скоро доходила рѣчь до людей, ему ненавистныхъ и, особенно, до Наполеона, онъ предавался какому то неистовому цинизму, употребляя выраженія не только грубыя, но даже неприличныя. Лучшимъ тому доказательствомъ могутъ служить сочиненные имъ къ портрету Бонапарта стихи, не отличающіеся ни тонкою аллегоріею, ни аттическою солью, ни благоуханіемъ. Тутъ все высказано грубо и безъ всякой церемоніи. Хотя казалось, что авторъ стихамъ своимъ радовался, однако же онъ спросилъ у Муромцева: „Что это, Николай Селиверстовичъ, вы, какъ будто, недовольны произведеніемъ моей лиры въ честь великаго мужа?“ — „Не то, что недоволенъ“, отвѣчалъ Муромцевъ: „стишки то хороши, да жаль, что нельзя читать ихъ всѣмъ вслухъ“.

— „Что же мнѣ дѣлать“, возразилъ Ростопчинъ съ чисто-сердечною откровенностью: „это всегда со мною случается... Не могу! ну, никакъ не могу... Какъ скоро стану только прославлять этого мошенника Наполеона, такъ уже всегда пересолю, да нѣ хотя — навоняю!“ — вдругъ серьезная его мина замѣнилась громкимъ смѣхомъ. Переходы эти были у него очень быстры и часто повторялись, а когда графъ Ростопчинъ начиналъ смѣяться, то нельзя было, глядя на него, не предаваться смѣху.

На этомъ шумъ нашъ (это было въ воскресенье) отворяется дверь графскаго кабинета и къ намъ входитъ нѣкто Николай Богдановичъ Приклонскій, екатерининскій отставной полковникъ, человѣкъ лѣтъ уже шестидесяти и большой чудакъ. Онъ былъ коротко знакомъ съ покойнымъ моимъ отцомъ еще въ Варшавѣ, а когда онъ въ 1796 году поселился въ Москвѣ, то Приклонскій часто ѣзжалъ къ намъ обѣдать въ нѣмецкую слободу. Графъ Ростопчинъ любилъ его за всегдашнее его расположеніе къ веселію и шуточкамъ, а еще болѣе за то, что онъ ненавидѣлъ Наполеона.

Присутствіе Приклонскаго возбуждало всегда въ графѣ Федорѣ Васильевичѣ хорошее расположеніе духа: все приходило въ движеніе, шутки и смѣхъ не прерывались. Разумѣется, что обыкновенный предметъ всѣхъ разговоровъ былъ Наполеонъ; и теперь первыя слова графа Ростопчина вошедшему къ намъ гостю были: „Ба! ба! ба! Здравствуйте, Николай Богдановичъ! Все ли вы въ добромъ здоровьѣ? Были ли вы у обѣдни и молились ли вы о здоровіи и благоденствіи его величества, императора Наполеона?“

— „Какже... разумѣется... Да ужъ вы шутите себѣ тамъ, какъ хотите. Дѣло въ томъ“, отвѣчалъ Приклонскій, — „что въ Европѣ только одна Англія—да я, мы одни не признаемъ этого мерзавца Бонапарта французскимъ императоромъ. Да что мнѣ вамъ напѣвать старую мою пѣсенку. Нѣтъ, скажите ка мнѣ лучше, чему вы такъ радовались и смѣялись, когда я сюда входилъ?“ И не дождавшись отвѣта, онъ прибавилъ: „А пргос... я пришелъ разсказать вамъ новость и показать вамъ прекраснѣйшій портретикъ“.

— „Что такое?“—спросилъ графъ, поглядывая на меня и какъ бы угадывая, о чемъ идетъ рѣчь.

— „А вотъ что“, отвѣчалъ Приклонскій: „разсказываютъ по Москвѣ, что вы оцѣнили во сто тысячъ цѣлковыхъ голову одну, которая, по моему, и гроша не стоитъ, что вы, будто, разослали повсюду примѣты Бонапарта и его портреты, которые продаются теперь на всѣхъ улицахъ по одной мѣдной копѣйкѣ... Я принесъ вамъ даже одинъ экземпляръ этой скверной рожи“...

— „Опоздали вы, опоздали, Николай Богдановичъ“—вскрикнулъ графъ, засмѣявшись: „Александръ Яковлевичъ пожаловалъ уже мнѣ сейчасъ драгоценное это изображение“.

— „Но отчего“, спросилъ Приклонскій, — „не сдѣлано никакой особенной, приличной надписи подъ портретомъ, не объявлено, что за птица этотъ Наполеонъ Бонапарте, не прибавлена во славу его какая нибудь отмѣтка?“

— „Все сказано, все сдѣлано по желанію вашему, почтеннѣйшій Николай Богдановичъ... Внемлите и читайте“—отвѣчалъ графъ Ростопчинъ съ радостнымъ смѣхомъ, подавая Приклонскому принесенный мною портретъ.

Приклонскій, надѣвъ свои очки, началъ читать. Можно себѣ

представить, какъ стишки были одобрены и какая поднялась хотя.

— „Вмѣсто того, чтобы украшать Бонапарта усами, вы лучше“, сказалъ Приклонскій, „нарисовали бы ему рога“.

— „Да такъ бы и было“, отвѣчалъ Ростопчинъ, „да нельзя: злодѣй представленъ со шляпою на головѣ. Не одна эта бѣда: я могъ бы и хвостъ пририсовать императору французовъ, да опять нельзя—портретъ, по несчастью, поясной, а не во весь ростъ“.

Графъ Федоръ Васильевичъ былъ въ тотъ день очень веселъ. Послѣ разныхъ шутокъ на счетъ Наполеонова портретика, вставъ со своего мѣста и указывая на билліардную комнату, онъ сказалъ мнѣ: „Allons! allons! au champ d'honneur la gloire guide nos pas“.

Между нами существовало упорное соревнованіе. У графа былъ отличный билліардъ. Сраженія наши были особенно забавны, когда присутствовалъ тутъ Приклонскій. Онъ самъ играть не умѣлъ, но любилъ дѣлать свои замѣчанія и давать совѣты, то и другое всегда невпопадъ. Онъ парировалъ обыкновенно со мною 10 копѣекъ серебромъ за графа, который на всѣ его замѣчанія отвѣчалъ безконечными шутками, напримѣръ:

— „Не такъ вы сыграли, графъ: вамъ слѣдовало желтую замаскировать и уйтись въ квартиру“.

— „Возьмите терпѣніе, Николай Богдановичъ, дайте масляницѣ придти,— не только желтую, бѣлую и обѣ красныя, но даже и Авдотью Селиверстовну Небольсину ¹⁾ замаскирую!“

— „Отчего вы желтаго не дублировали? Боже мой! Да вамъ слѣдовало желтаго дублировать!“

— „Помилуйте, Николай Богдановичъ, да развѣ вамъ неизвѣстно, что кто въ билліардъ и банкъ дублируетъ, тотъ бѣды не минуетъ“.

Независимо отъ безпрестанныхъ замѣчаній и совѣтовъ, у Приклонскаго была еще странная привычка, которая также всегда смѣшила графа Ростопчина. Послѣ всякаго удара кіемъ Приклонскій провожалъ шары глазами и дѣлалъ разныя смѣшныя тѣлодвиженія. какъ бы приглашая шары падать въ лузы, причемъ

¹⁾ Ав. С. Небольсина, сестра Н. С. Муромцева, была старая почтенная дама, которую графъ Ростопчинъ очень любилъ.